

Осипов, В. Жил и творил... // Гудок. – 2005. – 21 мая, 24 мая

Каждый эпизод из жизни классика – это отдельная новелла. Серию таких новелл, в которых проявились лучшие черты русского национального характера Михаила Шолохова, предложил «Гудку» Валентин ОСИПОВ, лауреат Всероссийской Шолоховской премии, биограф гениального вешенца, тесно сотрудничавший с писателем более 20 лет

Древняя фамилия

– Откуда фамилия такая на Руси завелась – Шолохов? Очень просто, – начал он рассказывать с улыбкой. – Шел человек и охал! Шел и охал. Вот и Шолохов... А вообще-то было такое древнее имя Шолох.

Казанский вокзал

1923 год. Хуторянин-каргинец устремился в столицу – здесь намеревался найти литературный причал. Да только жить поначалу было не на что. Искал работу. Много перебрал, даже мостильщик камня на улицах.

Казанский вокзал тоже дал ему заработок – разгружал вагоны.

«Людам жрать нечего, а они...»

19 сентября. Первая в жизни публикация – фельетон «Испытание» с подписью М.Шолохов в «Юношеской правде». Есть в нем две колючки, которые со временем не затупились.

... Начальник комсомольского укома дал несправедливую команду спровоцировать комсомольца на откровения: «Узнайте его взгляды на комсомол, его коммунистические убеждения. Постарайтесь вызвать его на искренность и со станции сообщите мне».

Здесь же и возмущенный отклик на жизнь богемы во время еще не укрощенного до конца голода в России. В фельетоне диалог: «На выставку?...» – «Да».

Затем едва не на вскрике – грубо, жестко, но разве не искренне: «Людам жрать нечего, а они – на выставку».

«Мое авторское я...»

Упрям начинающий рассказчик. Один по тем временам соратник запечатлел: «У Михаила Шолохова была одна особенность... Он не соглашался ни на какие поправки, пока его не убеждали в их необходимости. Он настаивал на каждом слове, на каждой запятой...»

В споре с одним из тех, кто взялся редактировать рассказ, высказал: «Прижали мое авторское «я».

День рождения «Тихого Дона»

1926-й. На первой странице рукописи: «Тихий Дон». Роман. Часть 1. Вешенская. 6 ноября...»

Какая же сила творческого порыва – для всех праздничное застолье, а у него рабочий стол.

Спор – как начинать роман

Однажды у Шолохова спросили: «Много ли было вариантов начала романа?» Не был приучен к привычным для многих красивым кокетствам – мол, поисков не счесть. Ответил: «Да так сразу и начал, как есть в книге...» Добавил преинтереснейшее: «С Фадеевым однажды в начале 1926 года беседовали, как начинать роман. Он был сторонником классического начала вроде «Утром 14 августа 1877 года трехмачтовый парусник отбыл в море...» А я ему ответил: «Очень старо! Если писать роман, то писать его надо по-своему, по-новому».

Пишет, пишет, но однажды душе этого показалось мало. На одном листе пять тонкого пера рисунков – будто пушкинская рукопись. Они покрывают собой строчки из романа. Писал и рисовал – вот каково едва ли объяснимое веление. Очень выразительны два наброска. Казак с недоуменным лицом в казачьей фуражке. И подступ к новому портрету – выразительные глаза и губы с подбородком; глаза грустные, а губы с подбородком упрямы.

Как материал собирался

1928-й. Заявился в окружное управление ГПУ. Здесь выслушали: хочу свидания с находящимся в тюрьме есаулом Сениным с обвинением в подготовке восстания. Необходимо, заявил, переговорить с целью сбора материала для романа.

Вернулся изможденный: «Только что я был в тюремной камере и разговаривал с Сениным. Говорил с ним, смотрел на него и думал: скоро не будет этого человека. И Сенин отлично знает, что в ближайшие дни его ожидает расстрел». В этот вечер Шолохова не узнавали. Был пугающе молчалив.

Сенин прописан и в «Тихом Доне» и будет отчасти узнаваем образом Половцева в «Поднятой целине».

Спор со Сталиным

Вспоминал для меня:

– Остановили в журнале «Октябрь» очередную книгу «Тихого Дона». Испугались. Что делать?.. Я к Горькому – передал ему рукопись. Через какое-то время звонок: «Приходи тогда-то. Сталин будет. Вот в чьих руках твоя судьба...»

Сталин задал мне вопрос: «Почему смягченно писал генерала Корнилова?» Я ответил, что образ и поступки Корнилова выписал без смягчения, но действительно некоторое изобразил в соответствии с пониманием этого человека, воспитанного на офицерском кодексе храбрости и чести на германской войне – он сбежал из плена, он субъективно любил родину!.. Сталин воскликнул: «Как это – чести?! Он же против народа пошел, лес виселиц и море крови!» Должен сказать, что эта обнаженная правда убедила меня. Я потом отредактировал рукопись.

Сталин новый вопрос задал: «Где взял факт о перегибах Донбюро РКП(б) и реввоенсовета Южфронта?» Я ответил, что роман строго документирован – по материалам архивов...

В конце встречи Сталин произнес: «Некоторым кажется, что роман доставит много удовольствия нашим врагам...» Горький ответил: «Они даже хорошее, положительное могут извращать». Сталин сказал: «Да, согласен». И пообещал, что роман будет печататься.

Обличения

В том же году. Создается сцена – Кошевой держит ответ перед возроптавшими от неурядиц казаками:

– Куда она подевалась, эта соль? – спросил кривой старик Чумакову, удивленно оглядывая всех единственным глазом. – Раньше, при старой власти, об ней и речей никто не вел, бугры ее лежали везде, а зараз и щепотки не добудешь.

– Наша власть тут ни при чем. Тут одна власть виноватая: бывшая ваша кадетская власть!

Но этого писателю-правдолюбу показалось мало – разъяснил: «Мишка придумал... отвести недовольство от родной советской власти. Чтобы оградить эту власть от упреков, он безобидно врал, ловчился...»

Смена названий

1932-й. Создан самый правдивый роман о коллективизации. И назван автором по соответствию – «С потом и кровью».

В журнале «Октябрь» перепугались и отказались печатать. В «Новом мире» затребовали изъять главы о раскулачивании да и назвали пафосно «Поднятая целина». Шолохов не дал ничего сокращать, а еще и такое отразил в письме: «На название до сих пор смотрю враждебно. Ну что за ужасное название! Ажник самого иногда мутит. Досадно».

Письмо в Кремль

Тот же год. Вождю письмо от творца:

«Тов.Сталин! Постановление ЦК «О принудительном обобществлении скота» находится в прямом противоречии с планом мясозаготовок на 1932 г.».

Раскрыл глаза на последствия преступления: «План по крупному скоту надо будет выполнять целиком за счет стельных или отелившихся коров».

Продолжил, продолжая и продолжая вбивать гвозди обличений: «С первых же дней по всем колхозам колхозники стали оказывать решительное сопротивление: коров начали запирают в сараи, постоянно держать под замком, а покупающих встречать с кольями. Продавать последнюю корову (во всем районе на 13629 хозяйств на 1 февраля было только 18 двухкоровных хозяйств) никто не изъявлял желания, тогда на собраниях сельхозкомиссии стали просто обязывать того или иного колхозника сдать корову. Колхозники отказывались от добровольной сдачи, тогда соответственно перестроились и сельсоветские работники: покупка коровы обычно производилась таким порядком: к

колхознику приходило человек 7 – 8 – 12 «покупателей», хозяина и хозяйку связывали или держали за руки, тем временем остальные из «покупателей» сбивали замки и на рысях выводили корову. По хуторам происходила форменная война». И еще, еще в таком же роде.

Исчезновение статьи, да какой!

1934-й. В канун I съезда писателей напечатал с помощью Горького статью «За честную работу писателя и критика».

Выступил против тех, кто «загромождает» литературу «антихудожественными, литературно безграмотными и бесталанными произведениями». Это значит, что выступил против политиканствующих скорописцев.

Объявил о неприятии зарождающегося «литвождизма» и осудил порядки, когда ничтоже сумняшеся объявляют романы «лит.вождей» – каково выражение! – «монументальными памятниками нашей великой революционной эпохи». Это значит, что задел литлюбимцев Сталина.

Потребовал «прекратить расхваливать» «своих» писателей и порочить «инаковерующих». Как же до сих пор современно!

Высказался о литполитприспособленцах: «Плох был бы тот писатель, который приукрашивал бы действительность в прямой ущерб правде...» Страшно даже подумать, что подразумевал под этими – явно несвоевременными – словами!

Только захлебнулась его атака – такая отчаянная – против несправедливой литературы и нечестивых литераторов. Даже на съезде о статье ни слова: ну не заметили, и все тут тебе. И сегодня замалчивается!

Противопоставничество

1939-й. Идет партсъезд.

Выступает Шолохов: «Есть еще одна категория писателей, которых «награждали» в далеком прошлом. Их «награждали» ссылками в Сибирь и изгнанием, их привязывали к позорным столбам, их отдавали в солдаты, на них давили своей тупой мощью государства, наконец, попросту их убивали руками хлыщей-офицеров... А у нас этих писателей-классиков чтут и любят всем сердцем...» Чтут... любят...

«Уметь говорить правду...»

Декабрь того же года. Будущий писатель Ан.Калинин вызвал Шолохова на признание, каким будет конец «Тихого Дона», и выслушал: «Всем хочется легкого конца, а что если он будет пасмурным?...» Калинин: «А все же?» Этот наикраткий вопрос сдетонировал целый монолог: «Могу только сказать, что конец «Тихого Дона» вызовет разноречивые суждения... Писатель должен уметь говорить правду, как бы ни была она горька... К оценке литературного произведения в первую очередь нужно подходить с точки зрения правдивости».

Война: какой ей быть...

1941-й, 5-й день войны. «Митинг в Вешенской» – с такой заметкой выступила «Правда». Сообщила: станица провожала первых новобранцев. Отметила: «С теплой напутственной речью обратился к казакам депутат Верховного Совета писатель-академик М.Шолохов».

Он произнес: «В этой Отечественной войне...» Выходит, прочувствовал то, что пока еще далеко не все поняли: война примет всенародный – отечественный! – характер, и не быть ей легкой и скорой.

В окопе

1942-й. Шолохов, корреспондент «Красной звезды», на фронте.

Шолохов и пожилой солдат сидели на ящике из-под гильз, парень лет двадцати – плечистый, с белесыми бровями, тоже в плащ-накидке – у стены окопа... Усатый тихо говорил:

– Оно как кому повезет, однако... Вот мы с Митькой – сын это мой – уже четыреста шестнадцать ден воюем, и ни царапины. А другой, гляди, только придет в роту и пульнуть-то по фрицам не успел – уже готов. Вот оно как... А ты кто же будешь-то? Партийный инструктор? – неожиданно спросил он у Шолохова.

– Да что-то вроде этого...

– Газетки на пару закруток не найдется?

Газеты у Михаила Александровича не нашлось. Солдат досадливо поморщился, но Митька дал ему небольшую книжонку: «Ошалел ты, что ль! Такую книжку – на закруку, соображать надо, однако...» Речь шла о «Науке ненависти».

Что дальше-то! Неожиданный бой начался. И Митьку убило. От очевидца осталось свидетельство: «Дымилась земля, снаряды рвали ее в клочья, гарь ползла по окопам... Шолохов склонился над убитым парнем, взял его руку в свои ладони, крепко сжал ее... лицо его вдруг посерело, на висках взбухли бугорки вен, а в глазах была мука...»

Разговор с Америкой

1943-й. Шолохова просят написать письмо в США в связи с приближающейся годовщиной мировой войны. Возбужден: «Что написать? Да и для чего?! Вчера я встретился с одним американцем. Так в разговоре со мной он сказал: если в моем романе будут рассуждать о необходимости более активного участия союзников в войне, чем оказание материальной помощи, то это может обидеть американцев».

Не утаивает чувств: «Я могу допустить, что американец, живущий в стороне от больших мировых событий, может не понять, что его судьба и судьба Америки зависят прежде всего от разгрома гитлеровской Германии... И эту судьбу русский народ решает пока один...»

Все-таки появилось «Письмо американским друзьям». Уговорили. Здесь немало добрых и уважительных слов об Америке, но заканчивал так, чтобы проняло: «Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое»

больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это и поэтому имею право говорить с вами так прямо...»

«К чертям собачьим!»

1949-й. В одном из очерков набрался отваги выступить против непомерных налогов и дал для этого слово старику-земляку:

– В прошлом году вызывают меня в сельсовет, финотделов агент спрашивает: «Сколько, папаша, деревьев в твоём саду?» А чума их знает, говорю ему, иди сам считай. Он не погордился, пришли комиссией, пересчитали все деревья, финотделов агент и говорит: «Каждое косточковое дерево, ну, слива там или еще какая-нибудь вишня, четыре штуки их считается за одну сотую платежной земли, а каждое семечковое, яблоня или груша – за одно дерево – одна сотая...» Я уже прикидываю: не порубить ли часть деревьев?»

Шолохов усиливает драматизм монолога, и раздается на всю страну: «Идите вы к чертям собачьим!» – окончательно выведенный из терпенья гремит обиженный старик...»

Подступы к «Судьбе человека»?

50-е. Из рассказов земляков:

– Однажды (было это у Емельяновой ямы) среди стаи ребят заметил Михаил Александрович белобрысого глазастого мальчика в драной-передраной одежонке. Поманил его к себе:

– Ты откуда будешь, цыганенок?

– Я, дяденька, не цыганенок... Меня Ванюшкой зовут.

– И где же ты живешь, Ванюшка?

– А когда где. Я приبلудный.

Шолохов долго смотрел на пацана, ничего не спрашивая. А потом сказал как будто весело: «Приблудными бывают только овцы или куры. А ты – человек. Есть-то хочешь?» Тот кивнул. Шолохов тогда: «Пошли к нашему шалашу...»

Может, эта встреча послужила толчком к написанию рассказа «Судьба человека»?

Новый персонаж в литературе

Середина 50-х – время рождения «Судьбы человека». Хрущев одаряет партию и комсомол до края воинственными атеистическими установками. Шолохов отказался их тиражировать. Он против издевательств над верою и Церковью. И выплеснул это свое настроение в рассказе.

Напомню: русский солдат, пленный, загнан со своими братьями по несчастью на ночевку в церковь. И по велению Шолохова предстает истинно героем – в своих самоотверженных убеждениях верующего христианина самоприговорно идет под чужеземную пулю. Его характер отчеканен кратким действием и смелым словом: «Не могу осквернить святой

храм! Я же верующий, я христианин!..»

Шолохов истинный драматург! Вписал в монолог главного персонажа Соколова многогранье увиденного и выслушанного: «А наши, знаешь, какой народ. Одни смеются, другие ругаются, третьи всякие шуточные советы ему дают. Развеселил он всех нас...» Писатель все это изложил по правде жизни. Но тут же строчка с отрезвлением: «Дал фашист через дверь, во всю ее ширину, длинную очередь и богомольца этого убил...»

Всесоюзный квартирьер

1957-й. Депутат Верховного Совета СССР М.А.Шолохов получил более полутора тысяч писем от избирателей. Читал, и почти каждое прочтение надо бы запивать успокоительными каплями. Одному приятелю пояснил: «Большинство писем – это не «здорово да прощай», а просьбы заключенных и обиженных местными властями, словом, такие письма, по которым надо действовать немедленно и промолчать нельзя...»

Как-то с огорчением произнес: «Со всех концов страны просят квартиры». И подытожил с мрачным юмором: «Выходит, я всесоюзный квартирьер».

Подарок Хрущеву с ехидной начинкой

1959-й. Обратился к главе партии и правительства, когда наслушался бахвальств о подъеме сельского хозяйства, а начали закупать зерно за границей: «Примите эту книгу Лескова. Здесь есть интересный рассказ. «Загон» называется. Посмотрите на сон грядущий первую хотя бы главу. Кстати, рассказ высоко оценил Лев Николаевич Толстой».

Если Хрущев нашел терпение довести чтение до второй страницы, так понял бы затею Шолохова. Николай Лесков напечатал: «Мы имели твердую уверенность, что у нас «житница Европы», и вдруг в этом пришлось усомниться...»

О проводницах

1983-й, июль. С писателем Валерием Ганичевым в Вешках.

Хозяин, видно, уже знал о своей безнадежной болезни – рак горла. И все-таки беседы были полны радушия и непринужденности. О всяком гутарили, если выражаться «тиходонским» языком. Например: помянули одного писателя, который напечатал книгу с обозначением «роман-эссе». В ответ услышали: «Ну-ну» (такую с ехидными зазубринами стрелку он метнул в нелепое поименование жанра).

Я рассказал о доброжелательных проводницах в поезде «Тихий Дон» – они рискнули взять меня без билета (опаздывал и в спешке оставил его дома).

Он откликнулся не без удовлетворения: «Казачки же!»

Гибель романа

Но как же было не прояснить – почему нет второй книги романа «Они сражались за Родину»?!

Утром секретарь писателя доверился нам – рукопись сожжена. Он предполагал, что это был протест против цензуры, придинок Брежнева и присных. Страшно было слушать. Ошеломило.

Сидим в его, писателя, рабочем кабинете. Говорим, говорим, а не наберемся смелости выпрашивать о романе безнадежно больного человека. Влобовую, понятно, не полубопытствуешь – жив не жив роман, то есть сохранилась ли рукопись? Но как узнать? Первым мой товарищ не утерпел. Проявил замысловатую дипломатичность – спросил эдак невинно, да к тому же рукой провел, ведя наши взгляды от письменного стола к книжным шкафам: «Михаил Александрович, а где вы храните здесь полную рукопись романа?» Выделил голосом слово «здесь», мол, именно в этом доме.

У меня мелькнуло: «Ну, вот петелька для ответа». Жду – вдруг не подтвердит, что сбросил рукопись в огонь. Жду, что скажет: «Да где же ей быть, как не в столе...»

– Здесь ее нет! – ответил неподступно, твердо. Мы догадались: новые – неугодные ему – вопросы мог перебить, а то просто прекратить встречу.

Так и осталась без прояснения эта загадка – жуткая! – шолоховской жизни.

Предостережение

Закатное для классика время... Младший сын Михаил Михайлович нашел возможность вызвать отца на откровения превеликой житейской и политической важности. Одно из них:

– Когда там по вашим учебникам Гражданская закончилась? В 20-м? Нет, милый мой, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится. Потому что до сих пор у нас что ни мероприятие – то по команде, что ни команда – то для людей, мягко сказать, обиды...

Политзавещание

Еще обобщения, записанные сыном:

– Паршивые, бездарные ученики мы у истории – вот что плохо. А у нее одно, веселенькое такое, правило есть. Все, что для предков правым было, для потомков чаще всего неправым оказывается. И далеко ходить не надо. Все, что нашим отцам-дедам дорого было, мы на штыки подняли. Но и все, чем мы сейчас восторгаемся, и всех, кто восторгается, скорее всего уже наши внуки проклянут. А мы все продолжаем думать, что нас минет чаша сия.

– Гомером надо быть, чтобы суда уже ближайших потомков избежать. А мы что же? Временщики. «И каждому довлеет доля его». Не способны мы и на шаг от «злости дня» отойти. Ни от злости дня, ни от злости групп. Думаем, что наше сиюминутное – это и есть то, что устроит всех во веки веков.

С чем умирал...

20 февраля – последние мгновения жизни. Из рассказов супруги, Марии Петровны:

– В одиннадцать, но, может быть, и в двенадцать ночи, за час-два до кончины, позвал, взял мои руки, и все их к себе, к себе притягивает, и тянется к ним, тянется... Уж сил совсем не было, а потянулся. Я сразу и не догадалась, что тянулся поцеловать...

Какое же пронзающее свидетельство, как передало сердце сердцу самую последнюю весточку любви и уважения!

* * *

Над могилой стоит памятник – простая глыбища камня с одной строчкой по стесу: «Шолохов».

Рядом с 1992 года покоится верная в долгой совместной жизни Марусенок, Маруся, Мария Петровна Шолохова.

<http://www.gudok.ru/index.php/25279>

<http://www.gudok.ru/index.php/25307>